

К. ТАНЕВ, Л.Л. КОФАНОВ, О.САККИ*

**ХРОНИКА X МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«РИМСКОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ» И СИМПОЗИУМА
ЮРИСТОВ БАЛКАНСКИХ СТРАН НА ТЕМУ «FURTUM В ЕГО
ЮРИДИЧЕСКИХ, ФИЛОСОФСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ», СТАМБУЛ, 29 ОКТЯБРЯ – 1 НОЯБРЯ 2014 Г.**

Научный комитет Семинара «Римское право и современность», состоящий из профф. Л.Л.Кофанова, М.Скрейпека, О.Сакки и К.Танева совместно с проф. Й.Юнвером стали организаторами настоящей научной встречи, проходившей в Стамбуле с 30 октября по 1 ноября 2014 г. В ее проведение были вовлечены университет Озиегин (Стамбул), Центр изучения римского права (Москва), Карлов университет (Прага), междууниверситетский Центр изучения римского права и науки романистики университета UNWE¹ (София). Официальными языками семинара были русский, итальянский, немецкий и английский. В семинаре приняли участие 37 ученых из 12 стран. Научной целью семинара было обсуждение института кражи в его самом широком значении: как гражданского деликта, преступления, как причинение личного и имущественного ущерба, как действия, совершенного тайно и умышленно. Кроме того, «кража» в соответствии с некоторыми древними источниками проявлялась и как грабеж, как результат личного успеха в действиях против врагов благодаря коварству победителя и божьего благоволения, как добыча, гордо представляемая народу; таким образом, в самом представлении кражи проявлялся способ подготовки знатного юношества к искусству войны. Далее, в сферу оживленной дискуссии был вовлечен также естественноправовой аспект проблемы.

Утреннее заседание 29 октября 2014 г. под председательством проф. К.Танева началось с доклада проф. Петра НИЧИПОРУКА (университет Белостока, Польша), который представил свой доклад «Наблюдения по поводу *furtum* в деятельности по банковскому депозиту», сделанный на итальянском языке. Докладчик дал убедительные примеры огромного разнообразия предметов кражи, а также затронул ряд экономических аспектов, позволяющих выделить практические проблемы для юриспруденции в этой области. Затем с докладом «О некоторых методологических проблемах т.н. квази деликтов» выступил проф. Микаль СКРЕЙПЕК (Карлов университет, Прага, Чехия). Данная проблема проникает в самые глубины целей семинара, отражая отношение римской юриспруденции к расширению типологии источников обязательств в тот исторический момент, когда система правопорядка начала действовать, как некое познавательное средство, контролируемое общим регулированием, нацеленным на поиск инновационных решений социальных конфликтов. Докладчик рассмотрел т. н. квази деликты, заключив, что с точки зрения общих положений хорошо видно, что исключения из правил и из систематики свойственны цивильному праву, неся в себе определенную красоту и предлагая некий поистине действенный механизм регулирования социальных отношений. Классификация этих правонарушений обрела свое устойчивое положение в праве несмотря на ее оживленную научную критику в современной историографии.

На дневном заседании семинар начал свою работу с приветственных слов его участникам проф. Йенера ЮНВЕРА (университет Озиегин, Стамбул) и проф. Константина ТАНЕВА (межуниверситетский Центр изучения римского права и науки романистики университета UNWE, София), которые пожелали участникам семинара плодотворной научной работы. Утреннее заседание, проходившее под председательством проф. П.Ничипорука, началось с доклада на английском языке «Некоторые мысли по поводу разделения между *actio in rem* и *actio in personam*» проф. Лихонга ДЗАНГА (директор китайского сообщества сравнительного права, Восточный университет политических наук Китая, Шанхай). Докладчик представил свое исследование китайской правовой традиции, названное «Сравнительное правоведение в Китае», которое имеет определенное значение также и для тем, обсуждавшихся на семинаре. В сделанном на итальянском докладе «Кража в контексте» проф. Константина ТАНЕВА (Директор междууниверситетского Центра изучения римского права и науки романистики университета UNWE, София, Болгария) докладчик представил свое

* Константин Танев – доктор права, доцент юридического факультета Университета национальной и мировой экономики г. Софии, Болгария, директор Центра изучения римского права Болгарии. Кофанов Леонид Львович – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, заведующий Центром истории римского права и европейских правовых систем Института всеобщей истории РАН, председатель фонда «Центр изучения римского права». Освальдо Сакки – профессор римского права юридического факультета Второго Неаполитанского университета (Италия). Статья подготовлена и отредактирована при поддержке РФФИ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

¹ Сокращение UNWE здесь и далее означает университет национальной и мировой экономики.

исследование вещей, являвшихся объектами кражи и похищения. Рассматриваемая им проблема затронула т. н. «объективную часть» правонарушения, содержащую согласно современной науке два элемента: первый – это акт причинения ущерба и второй – это украденная вещь. Сегодня действующее болгарское право изучает структуру этого феномена в уголовном и гражданском праве, и если первый элемент объективной части регулируется в доктрине уголовного права, то вторая – в доктрине гражданского права. Для древнеримской эпохи в историографии среди прочих проясняется также и момент соотношения двух определений объекта кражи: *res subrepta* и *res furtiva*. Их применение восходит ко времени *lex Atinia* и законов XII таблиц, как это следует из отрывка из Павла, сохраненного в Дигестах (D.41.3.4.6). В своем комментарии юрист пишет, что на месте подлежащего используется термин «*refurtiva*», а на месте глагола – ее похищение. Юрист считает, что украденная вещь не может быть объектом приобретения по давности, даже если она вернулась в руки того, у кого была отобрана. Проблема касается комбинации двух различных корней одного и того же правонарушения: был ли это некий плеоназм или установка, в которой Павел предполагает, что оба слова имели похожее значение? С помощью других источников (*Gai.* 2. 45, 49; *Gell.* 17. 7, 1; D. 41.3.49; *Quint.* Inst. 7. 3; *Cic.* Inv. 1.11) докладчик приходит к заключению, что древнее применение *subreptio* было связано с похищением частных вещей из публичных или религиозных мест или религиозных вещей – из частного места. Затем в классический период это в итоге два правонарушения – кража частного имущества и упомянутое похищение, слившиеся в одно общее правонарушение.

На вечернем заседании (председатель проф. М.Скрейпек) был представлен доклад «Социолого-правовые параметры кражи», сделанном на английском языке проф. Стевкой НАУМОВОЙ (Институт правовых наук, Академия наук, Болгария). С древних времен до наших дней преступление кражи прошло различные этапы своего развития. Социология права исследует восприятие общественным мнением правовых средств его ограничения и его место в системе ценностей. В частности, докладчица освещает кражу как некое социальное отклонение и различные формы ее нейтрализации. Мотором этого процесса является правовое принуждение в соответствии с развитием принципа, согласно которому общество развивает право: *ubi societas ibi ius*. Центральное место в этом социологическом исследовании занимает индивидуальное и коллективное восприятие отношения “*power-realization of power-conformism-deviance*”, в котором находится основа для определения преступления кражи как некоей формы социальной патологии. Далее, проф. Марко ПЕТРАК (глава департамента римского права университета Загреба, Хорватия) в сделанном на английском языке докладе «Значение *lanx* в контексте *furtum*: новое предложение интерпретации» представил весьма интересную точку зрения на социальную роль чаши в праве древнего Рима.

Утреннее заседание 30 октября (председатель проф. Й. Юнвер) открылось докладом «*Leges repetundarum* и публичная кража в государственной торговле хлебом республиканского Рима» проф. Леонида Л. КОФАНОВА (зав. Центра истории римского права Института всеобщей истории РАН, председатель Центра изучения римского права, Москва, Россия). Докладчик, сделав свой доклад на итальянском, упомянул различные формы кражи государственного имущества и злоупотреблений властью, включенные в понятие *furtum publicum* (Fest. P. 213L). Он концентрирует свое внимание на законах против преступления взяточничества, совершенного магистратами в чужих странах. Докладчик пытается дать определение особому случаю истребования денег (*de pecuniis repetundis*, см. Edict. Aug. ad Cyren. V. 90-91). Эта тема далее развивается рассмотрением злоупотребления властью в контексте государственной торговли зерном. Также обращается внимание на реформу Гая Гракха 122 г. до н.э., на закон Ацилия (*Lex Acil.* 3) и на требования, предъявляемые в международных тяжбах типа *iudicium recuperatorium*. Затем докладчик концентрируется на содержании речи Цицерона против Верреса, где термин *furtum* используется 67 раз. Исследуя систематизацию такого *furtum*, докладчик возвращается к случаю т. н. *crimen repetundarum* 171 г. до н.э., связанного с госзакупками зерна в Испании, с *condictio triticiaria* и с *lex Calpurnia de repetundis* 149 г. до н.э. Доклад «*Furtum* как деликт по *ius civile*» проф. Сельдаг ГЮНЕШ ПЕШКЕ (юридический факультет университета *Gazi*, Анкара, Турция) анализирует кражу в ее догматических рамках. Докладчица обсуждает определения Павла и Гая (D.47.2.1pr. *Paul.* 39 ad ed.; *Gai.* 3.196, 197), а также различные аспекты содержания и форм такого феномена как *furtum usus*. В качестве характерного для этого правонарушения она отмечает захват движимой вещи (*res mobilis in commercio*) вором (*contrectatio*), совершенный умышленно (*animus furandi*). Наконец, она отмечает различные способы защиты от этого деликта: *actio rei persecutoria*, *actio poenalis* и сочетание этих двух исков в т. н. *actio mixta*. Проф. Михаил В. Бибилов (зав. Центра истории Византии Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия) сделал доклад «Категория кражи в византийском законодательстве и в славянских заимствованиях». Рядом с первоначальными принципами, действовавшими в течение всего византийского тысячелетия, повсюду в законодательных текстах прежде всего классического и позднего периодов заявлены положения инновационного характера, определяющие и предопределяющие изменения тех или иных норм юстиниановского законодательства в греческом средневековье. Эти изменения главным образом мотивированы следующим: А) лингвистическими особенностями перевода византийских законодательных текстов, прежде всего, специальных терминов, с латыни Юстиниана на средневековый греческий; Б) географические изменения, когда позднеримское законодательство ссылалось на те провинции Империи, которые в Византии уже давно были потеряны или завоеваны (Галлия, Италия, территории к северу от Дуная, регионы окраин Африки и Востока); В) конституционные изменения, вызванные изменениями такой среды, как муниципальный закон,

именение роли рабства, рост значения Церкви, семейного права и т.д. Что же касается законодательства Юстиниана о краже, то византийское право при определении наказания обращает большее внимание на имущественный ценз. Различаются зажиточные граждане «эвпоры» и бедняки «апоры». К первым чаще применялись такие наказания, как штраф и т.п. Ко вторым, неимущим, наоборот, применялись такие наказания, как бичевание, отсечение кисти (руки), ослепление. Далее, степень вины вора чрезвычайно возрастала, если кража отягчалась такими актами, как кощунство (кража из церкви, особенно с алтаря, действия против духовенства, ограбление христианских могил и т.д.). Наконец, в связи с наказаниями за совершенные и обнаруженные деликты все время становится более важным казуальное право, согласно которому вердикт выносился лично судьей. Это было общей тенденцией эволюции византийского законодательства, которое все более склонялось в сторону обычного права – права прецедентов. Этот принцип интересно развивается в законодательстве уже после падения Византии в применении к Москве XVII в.

Дневное заседание (председатель проф. Л.Л.Кофанов) началось с доклада «Animus furandi и usucapio», сделанного на английском языке проф. Андреем КАТАНЧЕВИЧЕМ (юридический факультет университета Белграда, Сербия). Докладчик исследовал проблему приобретения посредством владения в Риме архаического периода, прежде всего, по древней *lex Atinia* и по знаменитейшим законам XII таблиц, где добросовестность приобретателя, по-видимому, еще не признавалось условием *usucapio*, в то время как во многих местах Дигест установлено, что добросовестность владельца всегда считалась обязательным реквизитом. XII таблиц и *lex Atinia* ввели запрет приобретения по давности, если приобретатель взял вещь с намерением кражи (*animus furandi*). Докладчик полагает, что даже в классический период еще существовала связь приобретательной давности с кражей (Gai. 2.41-61; 3.183-208) и Гай сравнивает эти два института. То же положение поддерживается Юлианом (D. 41.3.33 pr.) и Помпонием (D. 41.10.4 pr.). Более того, Гай приводит различные случаи *usucapio* без реквизита доброй совести (неформальное приобретение *res mancipi*, *usucapio pro herede*, *usucapio pro fiducia*). Именно здесь недостает *animus furandi*. Примененные докладчиком методы – это историческая лингвистика и системный анализ фрагментов Гая (2.49-50, 3.197, 3.201, 3.208; *Inst.* 2.6; D. 41.3.33 pr, 41.3.44.4, 41.10.4 pr, 47.2.1). Проф. Давид ФАЛАДА (юридический факультет Карлова университета Праги, Чехия) сделал доклад «*Furtum nocturnum*», в котором прежде всего рассмотрел нормы законов XII таблиц и их эволюцию в последующие эпохи. Проф. Снежана РАКОВА (Юго-западный университет «*Neofit Rilski*», Благоевград, Болгария) выступила на итальянском языке с докладом «*Furta sacra* – реликвии средневековой Венеции» Она постаралась представить некоторые аспекты *furtum sacrum*, т.е. кражи реликвий, как средневекового феномена и важной части религиозной жизни. В докладе эта идея передана венецианским примером. Первый пример относится к поздней античности и связан с деяниями Св. Елены (250 – 330 гг.), которая вместе со своим сыном Св. Константином, римским императором (306–337 гг.), нашла в Иерусалиме Святой Крест. Они перевезли священное сокровище в Рим, затем реликвия была перевезена в Константинополь. Реликвии Венеции важны и как часть истории Крестовых войн, в которых Венеция принимала участие с самого начала, став частью истории искусств и средневековой литературы: перенос реликвий показан в церковных мозаиках, манускриптах, фресках, он присутствует также в агеологических текстах, которые описывают историю святых, их реликвий и перемещения последних, а также чудеса, сопровождавшие это. Докладчица отмечает, что не знает точно, когда впервые появилась концепция «*furta sacra*». Некоторые комментарии (возможно, уже Цицерона) отмечают этот тип *furtum* священных вещей из частных жилищ или из храмов как *sacrilegium*. Конечно, данный феномен связан с христианским культом и особенно с литературным жанром о *translatio reliquiae*, называемым тем же самым термином – *furta sacra*. Например, Патрик Джери изучал *Furta Sacra* западной Европы в X-XII вв. В докладе же рассматривается венецианский случай и история христианских реликвий, различные способы приобретения и использования реликвий, ассоциируемых с Христом, Святой Девой, с телами Святых, начиная с наиболее важных и дорогих: Св. Джованни Баттиста, Св. Елены, Св. Георгия и, наконец, тел Святых «более ординарных».

На вечернем заседании (председатель проф. М.В.Бибиков) проф. Игорь Е. СУРИКОВ в докладе «Кража в раннем греческом праве (на примере Афин)», прочитанном на английском языке, рассмотрел законы о краже, которые античная нарративная традиция связывает с именами Драконта и Солона. Что касается первого, наиболее взвешенным будет сказать, что либо он вообще не издавал законов о краже, либо, если он их и издал, они до нас не дошли и дойти не могли. В законодательстве же Солона, несомненно, присутствовали уложения, относящиеся к краже. Наиболее подробные свидетельства о них содержатся в XXIV речи Демосфена. Для законов Солона о краже характерна дифференциация наказаний. Последние изменялись в зависимости от того, вернул ли вор украденную вещь или нет; от того, произошло ли хищение днем или ночью; от того, было ли похищено частное или государственное имущество; наконец, от того, по какой процедуре возбуждался против обвиняемого судебный процесс. Проф. Мирьяна ПОЛЕНАК АКИМОВСКИ (Юридический факультет университета «Юстиниан I» г. Скопье, Македония) представила коллективный труд, результат коллективной работы совместно с двумя другими профессорами того же университета Владом БУКОВСКИ и Гоче НАУМОВСКИ. Докладчица в сделанном на французском сообщении «Действующий македонский договор хранения: соотношение с римским правом» отметила, что древний договор хранения в своей классической форме унаследован в современном Законе об обязательствах 2001 г., так как вполне отвечает специфическим социальным и экономическим условиям

современности. Она отмечает, что в отличие от римского права современный депозит трактуется современным правом скорее как консенсуальный, нежели реальный договор. Тем не менее, современное правовое регулирование в Македонии следует давним традициям, начиная с римской эпохи и времен средневековья.

Утреннее заседание 31 октября (председатель проф. П.Ничипорук) открылось докладом «Сходства и различия между *furtum* в римском праве и в испанском уголовном праве» выступавшей на итальянском проф. Марии БРАВО БОШ (университет Виго, Испания). Затем проф. Элизбет ЛОСКА (университет кардинала Стефана Вышинского, Варшава, Польша) в докладе «Вор в законах XII Таблиц» сделала социальное сравнение архаического института кражи, относящегося к V в. до н.э. с современной концепцией самообороны. Так, докладчица дала характеристику физической, телесной атаки преступника против его жертвы. Это оправдывает поведение последнего, давая ему возможность даже убить атакующего. Действительно, такая регламентация формализует естественное поведение, накладывая на фактическую ситуацию юридическую форму, которая означала официальное разрешение свободно убить. Итак, закон дает гражданам ясный посыл, предоставляя им столь широкую свободу действий в такого рода случаях. Закон не совсем совершенно регулирует такие случаи, так как не показывает сам способ действия, однако через формализацию естественного поведения сделан первый шаг последующего длительного развития. Еще один аргумент в том же направлении найден в случае с ночным вором, который рассматривается как некий *homo sacer*: такое лицо исключалось из социального сообщества и из правовой сферы и потому лишалось привилегии правовой защиты. Таким образом, всякий гражданин мог свободно убить его. Проф. Паола ТОДИНИ (кафедра семейного права и кафедра гражданского права юридического факультета университета E-Campus, Рим, Италия) в докладе «Римскоправовые корни современной защиты идентичности личности» говорила о некоторых общих элементах в современном институте защиты персональной идентичности и в древнем римском феномене кражи лиц чужого права (*personae alieni iuris*).

Дневное заседание (председатель проф. Авва Карагож) началось докладом «*Animus furandi* как новый элемент кражи», сделанным на английском проф. Робертом БРТКО (зам. декана юридического факультета университета в Братиславе, Словакия). В докладе изучается эволюция концепции *furtum* от классического периода до юстиниановской эпохи. В концепции римских классических юристов это означало *amovere* или *contrectare* чужую вещь вопреки воли ее собственника. И наоборот, постклассические юристы для констатации кражи считают необходимым, чтобы вор имел *animus furandi*. Проф. Ипек СЕВДА СЕГЮТ (департамент римского права юридического факультета университета Kadir Has, Стамбул, Турция) выступила на английском с докладом «Объективный фактор кражи: *contrectatio*». Термин *contrectatio*, характеризующийся в Дигестах как *initium furti* (D. 47.2.6 *Paul.* l. 9 ad Sab.), имеет значение вмешательства, вопреки наличию осязания или реальной передачи, когда правонарушитель все-таки имел какого-либо рода физический контакт с украденной вещью. Традиционно это слово имело значение прикосновения неправомерного, аморального, просто порицаемого (*Cic. De Deor. Nat.* 1.77; *Don. Ter. Eun.* 96; *Hil. Psalmos*, 118 gim. 4). Объект такого действия весьма разнообразен: движимая вещь, дети, жена *in manu* (D. 47.2.25 pr. *Ulp.* l. 41 ad Sab.). Гай (Gai. 3.195-196) отмечает, что в краже необязательно какое-либо движение вещи, поскольку только *contrectatio* имела значение. Затем докладчица рассматривает случаи *furtum usus*, в которых также использовался тот же самый термин. В знаменитейшем определении Павла (D. 47.2.1.3 *Paul.* l. 39 ad ed.; *Inst.* 4.1.1) а также в т.н. Сентенциях (2.31.1), в одном постклассическом бревиарии его трудов это же слово употребляется как обобщающий термин, распространяющийся на объект кражи. Докладчица делает вывод, что данный термин вместе с характеристикой некоей воли, вместе с реальным прикосновением к вещи содержит в себе также и злой умысел на это самое действие (D. 13.1.18 *Scaev.* l. 4 quaest.). Далее затрагиваются случаи фальсификации документов, обманные действия, совершенные ложным кредитором и, наконец, кража владения. Обсуждение доклада затронуло историческую структуру института и наиболее общие мнения, принятые в историографии.

На вечернем заседании (председатель проф. Л.Л.Кофанов) проф. Роберто РУССО (университет E-Campus, Рим, Италия) в докладе «Применение уголовной нормы: выявление общих элементов в римском правовом и итальянском конституционном опыте» обратился к проблематике, касающейся сравнения римской уголовной нормы с современной, установленной в итальянской конституции. В начале утверждается, что, останавливаясь на структурных аспектах (идущих от серии принципов: индивидуальность наказания, определенность уголовного случая, запрет аналогий, принцип законности и запрет ретроактивности), представляется, что невозможно никакое сравнение между итальянским конституционным правопорядком и римским правовым устройством. Так кажется на первый взгляд, но, опускаясь на более сущностный уровень (где открываются или приоткрываются общие и пересекающиеся логико-правовые элементы, которые представляются достаточно схожими) и исследуя сущность принципа абстрагирования от защиты, которую правопорядок сам по себе гарантирует, такое сравнение становится возможным. В докладе освещается вопрос о том, существовали ли и в какой мере между римским правом и итальянским конституционным правом такого рода сходства в области уголовной проблематики, если отталкиваться от идеи о том, что некий принцип существует не только когда он освящен каким-либо письменным актом, но и когда правопорядок создает его неявно. В заключении докладчик отмечает, что, несмотря на неизбежное упрощение вопроса, в современном уголовном праве можно выделить два «ядра»: во-первых, правопорядку свойственна определенная осторожность в осуществлении *jus puniendi* с целью

определить неправомерное поведение (принцип законности, рассмотрение субъективного образа преступника), что вполне присутствует уже и в римском праве; во-вторых, в правовом порядке зафиксирована серия правил исполнения наказания с целью наказать преступника и «перевоспитать его». Это второе ядро как будто не присутствует в римском праве и его признаки не кажутся свойственными ему (функция исправления преступника развивается на ином уровне по сравнению с тем же возмещением). Проф. Антонелла ДИ МАУРО (юридический факультет университета «Великая Греция», Катандзаро, Италия) в своем докладе «От защиты от *furtum* в римском правовом опыте к защите *made in Italia*» сделала очень интересную попытку сравнения феноменов древней и современной коммерции, акцентируя внимание на различных формах мошеннической и причиняющей ущерб деятельности.

Заключительно заседание 1 ноября (председатели профф. Й.Юнвер и К.Танев) было начато проф. Джанни САНТУЧЧИ (юридический факультет университета Тренто, Италия), который в своем сделанном на английском докладе «Значение *iniuria* в *lex Aquilia*, исторический набросок» затронул весьма широкий аспект проблематики семинара, обратившись к преступлению мошенничества. Докладчик обратился к рассмотрению слова *iniuria*, использованного в двух титулах *lex Aquilia*. В большинстве своем современная историография все еще утверждает, что данный термин обозначает акт, совершенный без юридического обоснования и потому должен бы вкати к некоей конкретной или безусловной ответственности. Однако Мария Флориана Курси, по словам докладчика, предложила иную, нетрадиционную, а основанную на первоначальном значении слова интерпретацию: как умышленное действие, следовательно, данное преступление включало в себя действия, совершенные намеренно (со злым умыслом или неумышленно) с причинением ущерба. Далее, в докладе констатируется, что в настоящее время в основных гражданских кодексах Европы применяются две концепции *iniuria*: первая происходит от римского права, а вторая – от юснатурализма Христиана Томазия. Глубоко рассмотрев римское право, работы глоссаторов, гуманистов и ученых вплоть до наших дней, докладчик заключает, что знание истории этого понятия может прояснить и облегчить комментарии современной европейской юриспруденции. Затем проф. Луиджи ДЗИНГОНЕ (кафедра «Организация и управление государственными административными органами», юридический факультет университета Е-Сампус, Рим, Италия) представил коллективный доклад, подготовленный совместно с профф. Фелипе РУИС МОРЕНО и Евой ТОЛЕДО АЛАРКОН (университет Аликанте, Испания) на тему «От контрафакции продукции и других форм фальсификации». Семинар «Римское право и современность» всегда стимулировал дискуссии о взаимосвязи проблем античности и современности. Авторы доклада как раз и основываются на идее, что рынок наших дней, хотя и построенный на все ускоряющейся конкуренции, из новой ситуации глобальной экономики выдвигает новые преступления, тем не менее, как и всегда, эти преступления выражаются в определенном мошенническом поведении, преследуя незаконную прибыль и глубоко проникая в частную сферу других коммерсантов. Так, феномен контрафакции продукции имел свои аналогии в истории кражи, начиная с древних времен. В связи с этим докладчик упомянул вид кражи по Законом XII Таблиц, как неправомерное похищение чужого движимого имущества. Затем он остановился на расширении предусмотренной в отношении *furtum* юридической защиты, обуславливающие другие неправомерные деяния в специфических случаях, а также на структурировании защиты от преступления фальсификации (*crimen falsi* в полной мере стал регулироваться только в эпоху Суллы). В значительной части выступления авторы доклада разъясняли особенности феноменов контрафакции товаров, а также исков, предъявляемых против них фирмами и предприятиями.

Затем были обсуждены письменные доклады, представленные в *Poster Session* (председатель докт. Базак Караман):

Проф. Освальдо САККИ (Кафедра интерпретации источников римского права департамента юриспруденции Второго неаполитанского университета, Италия) представил доклад «*Furtum* в истории и в праве: некоторые соображения для современного мира». Эта область науки представлена ученым как результата уже хорошо изученного сложного исторического развития, в котором можно выделить три основные фазы: а) первая – это фаза неразличения, для которой факты недолжного присвоения или *furtum improprium* включались в единое и широкое понятие кражи; б) вторая фаза, характеризующаяся прогрессирующим различением внутри категории *furtum* между собственно кражей и кражей в не прямом смысле слова, начавшейся с немецкого юриста Бенедикта Карпцоф (1595-1666); в) третья фаза – это настоящее время, когда недолжное присвоение – это отличная и автономная категория по отношению к краже в собственном значении слова. После краткого сравнения концепций кодексов итальянского и промежуточного (где различие между *furtum proprium* и *improprium* было создано, как и в античную эпоху, для ослабления строгости санкций) ученый старается прояснить, что это особое значение было свойственно для греко-римского мира, опираясь на следующие известные источники: а) Авл Геллий (Gell. 11.18.1-5), из которого следует, что древнеегипетский народ еще не знал этой разновидности (что опровергается серией эпиграфических свидетельств, в которых доказывается обратное); б) Фрагменты из Дигест (D. 47.2.1 Paul. 39 ad ed.) и Институций Юстиниана (Inst. 4.1.1-2), где кража понимается как нарушение *fides* и *ius naturae* (или *quod lege naturali prohibitum est admittere*); в) наконец, Исидор (Isid. etym. 5.26.18-23), который определяет кражу как тайное похищение чужой вещи (*furtum est rei alienae clandestina contrectatio, a furto, id est fusco vocatum, quia in obscuro fit*). Однако, сущность рассматриваемой разновидности может быть выявлена также через этимологию термина и через символическое прочтение отдельных мифов, среди

которых и сказание о Каине и Авеле (Genesi 4, 3-7; Esodo 20,15; 22,1-7), а также о Прометее в платоновском Protagora (318e-319). В книге Бытия Господь хочет предупредить Каина (который был земледельцем по сравнению с пастухом Авелем), возможно, против неестественной жадности, которая охватывает человека в связи с присвоением того, что по природе не должно бы ему принадлежать. В платоновском же мифе человеку дарят огонь и *entechnos sophia* именно благодаря некоей краже: краже Прометея, совершенной в ущерб Гефесту и Афине. Казалось бы, можно говорить о том, что не всегда кража является вещью сугубо негативной. Она становится таковой, если вызвана неправомерной жадностью, направленной во вред другим. В той мере, в какой кража не допускается в природе, как например, собственность для Хрисиппа (*Cic. de fin. 3.20.67*), ее показывает парадокс афоризма Прудона (в словах: *Q'est-ce que la propriété? Ou Recherche sur le principe du Droit et du Gouvernement*), который в 1840 г. написал известное выражение «собственность – это кража». Быть может, здесь будет уместным для современности вопрос: *quid iuris? Quid lex?* Предупреждение Катона (*de praeda militibus dividenda*) у Геллия (*Gell. 11. 18. 18*) кажется одним из наиболее актуальных: «виновные в краже у частных лиц наказываются поркой или проводят жизнь в окопах; расхитители общественного имущества живут в золоте и пурпуре».

Докт. Эсин КРАНЛИ БАЙРАМ (юридический факультет университета «Юстиниан I», Скопье, Македония) сделала свое выступление на английском языке на тему «Сравнение необходимого наследования в римском праве и македонское право», говоря о способе определения наследников в «необходимом наследовании» как субсидиарном методе. Она рассмотрела источники в хронологическом порядке в соответствии с важнейшими этапами развития римской истории и культуры.

Докт. Камила СТУКАЛОВА (юридический факультет Карлова университета Праги, Чехия), сделала доклад «*Personae alieni iuris* как субъекты и объекты кражи» на английском языке, сконцентрировалась на соотношении *personae alieni iuris* как правонарушителей и как объектов кражи с самим преступлением кражи. Эта проблема вытекает из анализа свидетельств Гая в его Институциях и Комментариях к провинциальному эдикту (*Gai. 3,199 e D. 9.1.3 Gai. 7 ad ed. provinc.*). Докладчица также обращает внимание на *lex Fabia de plagiariis* и *crimen plagii*.

Докт. Ян ШЕЙДЛ (юридический факультет Карлова университета Праги, Чехия), сделал свой очень интересный доклад «Некоторые соображения о *furtum usus* в области сервитутов» на итальянском языке.

Докт. Генка МОЗЖУХИНА (Юго-западный университет «Neofit Rilski», Благоевград, сотрудница междуниверситетского Центра изучения римского права и науки романистики университета UNWE, София, Болгария) в своем докладе «О некоторых проблемах *fiducia* и *furtum fiduciae* во фрагменте Ульпиана D. 47.2.14.6» затрагивает мало изученные проблемы интерпретации указанного фрагмента. В нем юрист эпохи Северов рассматривает реквизиты *actio furti*, когда *res furtiva* была украдена вторично. Он представляет две гипотезы: а) когда кредитору не разрешалось вторично применять иск о краже, пока он не имел никакого законного интереса снова получить сумму долга, так как уже был удовлетворен по завершении первого процесса (однако Ульпиан допускает это только в случае, если кредитор не имел вины во второй краже); б) когда кредитор имел вину во второй краже и поэтому он принуждался к предъявлению *actio furti* вторично. Докладчица также анализирует заинтересованность кредитора в применении *actio furti* в целом.

Докт. Стоян ЛАЗАРОВ (сотрудник междуниверситетского Центра изучения римского права и науки романистики университета UNWE, София, Болгария) в своем докладе «Некоторые проблемы по преступлениям публиканов, относящимся к *furtum*» поддерживает идею о том, что речь Цицерона «*In Verrem*» высветила многие социальные проблемы, возникшие в связи с коррупцией провинциальной администрации, а особенно в связи со сбором публичных долгов. Разумеется, эти преступления связаны с деятельностью публиканов и вообще с тематикой добычи в римском праве и особенно в тех текстах Дигест Юстиниана, где проблема *furtum* и ответственности публиканов специально упомянута (D. 39.4.1). Упоминается, что уже Цицерон несколькими веками ранее обвиняя последнего правителя Сицилии, который злонамеренно поддерживал сборщиков публичных долгов (т.н. *decuma* – десятина, собираемая с земледельцев) с целью довести сборы до огромных незаконных размеров, так что такая деятельность стала приравняться к краже. По причине такого непомерного бремени провинция была доведена до полной нищеты. Цицерон, описывая это преступление, говорил о злоупотреблении правомочиями сборщиков, подчеркивая, что Веррес, его рабы и подвластные совершили преступление, однако, в его описании употребляется не сам термин «кража», а слово *praedatum*, что означает «добыча»: имущественный доход, правомерно захваченный в ходе войн, когда римляне захватывали новые земли. Поэтому, по мнению докладчика, эта добыча была законной прибылью, результатом личной доблести и воинского героизма в официальной войне против врагов государства. Своей риторикой, заключается в докладе, Цицерон отмечает криминальные деяния Верреса, который принес ущерб, ограбив даже собственный народ: как в современных преступлениях взяточничества, мошенничества, злоупотребления властью, которые часто ведут к тирании, разрушающей доверие и дружбу между гражданами и их союзниками

Докт. Эмилия ГАНЕВА (сотрудница междуниверситетского Центра изучения римского права и науки романистики университета UNWE, София, Болгария) представила на английском доклад «Принудительное изъятие имущества, *vis*, кража или только основание для реституции?», в котором говорит о применении *actio quod metus causa* согласно эдикту городского претора, отмечая различие между статусом сделки, совершенной под воздействием силы (*vis*), которая всегда была недействительной, и сделки, совершенной

под воздействием страха, которая, наоборот, считалась действительной, поскольку допускала волю совершившего ее. В 79 г. до н.э. *formula Octaviana* дала возможность аннулировать сделки, совершенные под воздействием силы и страха. По мнению докладчицы, научная проблема состоит в выяснении содержания обеих слов: *vis* и *metus*. Это представлено в обсуждении фрагментов Цицерона *In Verr.* 2.3.152 e *Quint. Epist.* 1.1.21. Параллельно речь идет об аристотелевском учении о принуждении физическом и психологическом как основе для морального исправления правонарушителя. Возвращаясь к классическому римскому праву, докладчица отмечает такие средства преторской защиты, как *actio in factum* в случаях «*si vis metus causa factum est*» и «*quod metus causa gestum erit, ratum non habeo*» (D. 4.2.1, *Ulp.* 1. 11 ad ed.). Существенные изменения заключались в объединении *vis* и *metus* (*et, aut*) и в использовании предикатов (*aufero, gero*), которыми описывалось, каким образом сделка была совершена. Описанная в речи Цицерона защита была чисто уголовно-правовым механизмом до тех пор, пока после 79 г. до н.э., когда новое регулирование (D. 4.2.1, *Ulp.* 1. 11 ad ed.) установило уже совершенно иные цели процессуальных средств, добываясь возвращения вещи, приобретенной под воздействием страха.

Проф. Люба РАДУЛОВА (департамент классической филологии и латыни для юристов на юридическом факультете университета «Св. Климент Охридски», София, Болгария) представила на итальянском языке доклад «Эпиграфические аспекты *fur* и *furtum*», стремясь показать соотношение между правовой теорией и практикой в период между I в. до н.э. и IV в. н.э. прежде всего в *Regio I* (21), *Britannia* (17); *Hispania* (6); *Lusitania* (5); *Gallia Narbonensis* (4); *Roma* (3); *Lugdunensis* (2); *Dacia* (2); *Numidia* (2); *Vaetia* (2); *Belgica* (1); *Regio III* (1); *Regio X* (1). С типологической точки зрения эти документы весьма разнообразны: от законов до любовных граффити и *defixiones*. Целью доклада было не исследование теоретических проблем *furtum*, а сбор и систематизация эпиграфических источников, имеющих термины с корнем *fur-* (*fur, furtum, furare*), дабы очертить общую картину контекстов, в которых зафиксирована тема *furtum*. Исследование сконцентрировано на эпиграфическом употреблении *furtum*, то есть на вопросе, в каких ситуациях и по каким причинам проблемы *furtum* уместно было записывать на материале продолжительного периода. Резюмируя результаты своей работы, докладчица заключает: учитывая физические аспекты рассмотренных надписей, отмечается, что подавляющее большинство документов относится к тому типу, который не предназначался для длительного хранения (граффити или деревянные таблички) или для прочтения (*defixiones*). Поэтому можно думать, что в римских западных провинциях эпохи империи *furtum* рассматривалось в совершенно бытовом, маловажном значении, во всяком случае, в значении, не подходящим к написанному на материале длительного хранения, представленного вниманию потомков.